

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОТИВА «РАЗИН И КНЯЖНА» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ XX ВЕКА

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. Випуск 25.

УДК 801.83: 821.161.

Сенько І. М. Художня інтерпретація мотиву «Разін і княжна» в російській поезії й прозі ХХ століття; 15 стор.; кількість бібліографічних джерел – 27; мова російська.

Анотація. У статті розглядається розробка мотиву про Разіна і княжну-полонянку в творах В.Каменського, В.Гіляровського, М. Горького, М.Цветаєвої, О.Чапигіна, С.Злобіна, В.Шукшина.

Ключові слова: фольклор і література, Разін і княжна.

С тех пор, как со страниц журнала «Колокол» в 1860 году прозвучали призывы Н.Г.Чернышевского и А. И. Герцена: «К топору зовите Русь!», — народники, а затем и революционеры-демократы России начали идеализировать образ Стеньки Разина как защитника крестьян. Об атамане восставшей гольтыбы пропагандист идей “хождения в народ” Сергей Синегуб (1851-1907) написал поэму, которую читали в кружках революционных народников, распространяли в списках [См.: 1]. И в поэме Н. П. Огарева «Гой, ребята, люди русские!» образ Степана Разина использован в агитационных целях: он якобы чудом избежал казни и спит в пещере, проснется лишь в критический для народа момент с призывом к бунту [См.: 19]. В революционной пропаганде использовалась и драматическая хроника в 11 картинах «Стенька Разин» (1871) А.А.Навроцкого: в этом произведении атаман волжской вольницы предстает социалистом и чуть ли не предтечей героев Парижской коммуны [см.: 17]. И теоретик классовой борьбы и пролетарской революции Карл Маркс, интересуясь народными восстаниями, штудировал монографию Н.И.Костомарова «Бунт Стеньки Разина» [см.: 16].

Первая русская революция 1905-1907 годов актуализировала разинскую тематику. В 1906 году художник Суриков завершил работу над картиной «Степан Разин», два года спустя был снят первый русский игровой художественный фильм «Понизовая вольница» (другие названия — «Стенька Разин», «Стенька Разин и княжна»).... На этой волне созданы поэмы «Стенька Разин» Владимира Гиляровского и «Степан Разин» Василия Каменского... В этом контексте с восторгом воспринималась в исполнении Федора Шаляпина ставшая народной песня на слова Д.Н.Садовникова «Из-за острова на стрежень»... В книге воспоминаний «Маска и Душа» исполнитель этой песни так охарактеризовал свой и якобы народный взгляд на факт утопления грозным атаманом девушки-пленницы:

“Кто же из разбойников особенно полюбился России? Царь-разбойник, Стенька Разин. Великодушный и жестокий, бурный и властный, Стенька восстал против властей и звал под свой бунтарский стяг недовольных и обиженных. И вот замечательно, что больше всего в Разине легенда облюбовала его

дикий романтический порыв, когда он, «веселый и хмельной», поднял над бортом челна любимую персидскую княжну и бросил ее в Волгу-реку — «подарок от донского казака», как поется о нем в песне. Вырвал, несомненно, из груди кусок горячего сердца и бросил за борт, в волны... Вот, какой он, этот популярный русский разбойник!.. Пусть он и не воплощает России, но не случайный он в ней человек, очень сродни он русской Волге» [25, с.229-230].

Даже тогда, когда Разина хотели видеть народным героем, защитником угнетаемых, популярная в народе песня «Из-за острова на стрежень» требовала вспомнить и о княжне, которую он, чтобы “не было раздора между вольными людьми”, утопил в Волге. Скульптор С.Т.Коненков в соответствии с ленинским планом увековечивания в бронзе и граните героев классовых битв создал необычную монументально-декоративную композицию «Степан Разин с ватагой», включавшую вырезанные из дерева статую вождя Крестьянской войны и головы пяти разинских сподвижников, а также полулежащую фигуру персидской княжны, отлитую из цемента [см.: 13, с.231-232]. Идея изобразить у ног Разина и жертву его разгульного характера скульптору подсказали красноармейцы, присланные советом казачьих депутатов ему в помощники.

“Между нами шел долгий упрямый спор, — вспоминал С.Т.Коненков в конце своей жизни. — Молодые говорили:

— Зачем Разина — революционного героя в компании с бабой изображать?

На это им бородатые витязи Октябрьской революции повторяли свой тезис:

— Степан Тимофеевич сказал: «Ничего не пожалее ради дружбы казацкой, ради товарищества», так и поступил, а раздор-то был из-за бабы, этой самой персидской княжны.

Так в композиции «Степан Разин с ватагой» волею красных казаков-ветеранов оказалась персидская княжна... Что ни говори, как не опевай ее, горемычной, судьбу, пусть временно, пусть случайно, но она была в челне” [13, с.229].

Но в речи на открытии этого временного памятника на Лобном месте в Москве 1 мая 1919 года В.И.Ленин с сожалением говорил только о трагической судьбе предводителя ватаги: «Это Лобное место

напоминает нам, сколько столетий мучились и тяжело страдали трудящиеся массы под игом притеснителей, ибо никогда власть капитала не могла держаться иначе, как насилием и надругательством, которые даже и в прошедшие времена вызывали возмущения. Этот памятник представляет одного из представителей мятежного крестьянства. На этом месте сложил он голову в борьбе за свободу» [15, с. 326].

Открытие памятника сопровождалось концертом: хор пролеткульта исполнял народные песни о Разине, прозвучала посвященная предводителю Крестьянской войны поэма Василия Каменского, в которой разинцы требуют от атамана: “А ну ее – к рожну / Персидскую княжну! / В Волгу дунь ее, / Колдунью” [10, с.84], а после того, как он бросил девушку в Волгу, есаул Васька Ус успокаивает его: “Последнее дело / Возиться с бабьем. / Первое дело – / Дубасить дубьем” [10, с.87-88].

Полвека спустя Василий Шукшин, собирая материалы для романа «Я пришел дать вам волю», на этот жестокий поступок Разина, не нашедший подтверждения в исторических документах, взглянул по-иному:

“Мы ссылаемся на песню, а ведь в песне поется, какой он сногшибательный, как он бросил женщину за борт, утопил. Что тут случается с народом, я не берусь говорить, потому что не очень силен в истории. Но ведь что-то же происходит с народом, с слушателями, с исполнителями этой песни, но народ же не может не ощущать, что он бросил за борт женщину неповинную” [26, с. 83].

До В.М.Шукшина в советское время создано целый ряд произведений о Степане Разине – киносценарий Максима Горького, романы Степана Злобина и Алексея Чапыгина, стихотворения Петра Орешина, Марины Цветаевой... Разработка в этих произведениях мотива «Разин и княжна» даст нам ответ, как их авторы прошли испытание на чувство гуманизма.

Владимир Гиляровский в поэму «Стенька Разин» (1894, новая редакция – 1917) мотив “Разин и княжна” ввел своеобразно – как воспоминание-покаяние ожидающего казни атамана (“И перед ним встает былое / Картины прошлого бегут”):

Вот Волги-матушки широкой
И моря Каспия простор...
Его ватага удаляя
Поволжья бурная гроза...
И персиянка молодая,
Она пред ним... Ее глаза
Полны слезой, полны любовью,
Полны восторженной мечты...
Вот руки, облитые кровью, –
И нет на свете красоты! [3, с.413].

О причинах содеянного атаманом В.Гиляровский не пишет, вероятно, рассчитывая на опыт читателей, знающих песню на слова Д.Садовникова. Ведь главное в поэме – осознание Разиным греховности своих деяний. Мужественно взойдя на плаху, он по православному обычаю просит прощения у народа:

Православные, в чем согрубил,
Все простите, виновен не мало,

Кат за дело Степана казнят,
Виноват я... –
и в ответ услышал: “ Мы прощаем и Бог ты простит!..” [3, с.416].

Но идеологи всемирной пролетарской революции образ предводителя гольтыбы видели не таким. Выступая 2 марта 1919 года в клубе-мастерской искусств «Красный петух» о футуризме как о понятном народным массам направлении, противостоящем «эстетической пачкотне», В.Маяковский привел тот факт, что когда для Октябрьского праздника понадобилось найти пьесу, «то взяли – в Москве «Стеньку Разина» поэта-футуриста В. Каменского, который до сих пор делает полные сборы в районных театрах, и в Петербурге – «Мистерию-Буфф» поэта-футуриста Вл. Маяковского» [цит.: 11, с.167].

Певцы коммунистического насилия в Ленине видели продолжателя дела Разина. В.Маяковский, собиравшийся в 1916 году намалевать “на царские врата на божьем лице Разина” («Ко всему»), в поэме о вожде пролетариата с удовольствием цитирует якобы предреволюционную частушку, сочиненную им самим:

Эх, завод ты мой, завод,
Желтоглазина.
Время нового зовет
Стеньку Разина, –

а Е.Евтушенко в поэме «Братская ГЭС» (1964), делая экскурс в историческое прошлое России, словами Разина на плахе:

Нет, не тем я, люди, грешен,
Что бояр на башнях вешал.
Грешен я в глазах моих

Тем, что мало вешал их [5, с.463], –

и упоминанием о том, что Ленин пришел «с разинской Волги», а красноармейцы – «Стеньки Разины / со звездочками красными», что от ЧК даже «месяц, как беспризорник, прячется», поэт узаконивает красный террор как положительную историческую закономерность, провозглашая: «Я за воинственных, а не молитвенных / идеалистов действия» [5, с.485].

Среди тех авторов, которые писали о Разине с позиций красного террора, разнообразием жанров выделяется В.Каменский: в 1916 году он опубликовал роман «Стенька Разин» (в 1918 издан под названием «Степан Разин»), в котором использовал достижения новаторской русской прозы; тот же сюжет им положен в основу поэмы «Сердце народное – Стенька Разин» (1918); затем поэму он переделал для театра – как поэму-пьесу «Стенька Разин, коллективное представление в 9-ти картинах» (1919), которую снова переделал в «Былинный сказ в 5-ти действиях», изданный в 1925-ом и поставленный в «Театре революции» в том же году. Во всех его произведениях центром мелодраматического сюжета, как и в песне на слова Д.Садовникова «Из-за острова на стрежень...», является “утопление княжны, не имеющее никакого отношения к подлинным событиям жизни Степана Разина» [24, с.219].

В поэме Каменского живописуются грабежи на Волге (главы «Дрожат берега», «Свисти,

кистень», «Сарынь на кичку!») и в Персии (глава «В персидском саду апельсиновом»), повествуется о том, как в в городе Реште «В ночь / Полюбила / Степану в раю / Птица Мейран – / Принца Аджара дочь», как в родном краю атамана «На заре, / Шую Степана обвив, / Пела Мейран о любви», как «Эту песню Мейран, / Слушал, как пьян / От любви, атаман» (глава «Камнем любовь залегла в груди»), что вызвало ропот холопской голи:

«Не до баб нам атаман, / Когда с войском караван / От царя идет в заимку. / А ты с бабой спишь в обнимку. / Слышь? / Дунь! / Кинь! / Брось! / А то / сердце / с нами / врозь. Брось!» [10, с.84-85].

О том, как отреагировал Разин на ропот голи, поэт рассказывает без чувств сострадания:

«На струг вышел Степан / Из шатровой завесы, / А в руках – гибкий стан / Извивался принцессы. / Взмах! / И брызги алмазные / Ослепили глаза. / Песни бражные, праздные / Разлила бирюза. / Прощай!» [10, с.86].

Далее, сказав, что после содеянного «Степан воем выл псиновым», автор находит слова для успокоения совести убийцы: «Да болит не столь – / Не кричи, не лась, – / Лишь бы серая голь / Не кручинилась» [10, с.87]. Для атамана “воля вольная слаще и пьянее любви и вина”. И взойдя без страха на эшафот (глава «Казнь Степана»), он, в отличие от Разина из поэмы Гиляровского, не на прошлое оглядывается, а другую “затаил думу в кровной обиде”:

Будет время –

Сермяжная рать

Отомстит разом... [10, с.100].

Марина Цветаева (стихотворный цикл «Стенька Разин», 1917) предложила свою версию о причине случившегося на разинском струге: «бешеный атаман», опьяневший от пенья соловьиного, жаждет близости с княжной («Аль не хочешь, что ль, / Потеснее лечь?»), но из уст персиянки вырывается только вздох один: “ Джаль – Эддин!”. Утром, услышав насмешки пьяной ватаги, разъяренный атаман утопил полоняночку со словами:

Не поладила ты с нашею постелью,

Так поладь, собака, с нашею купелью! [22].

Поэтесса придумала и наказание за это преступление: утопленница является к атаману во сне, упрекая его, почему оставил ее «об одном башмачке», обещая прийти за вторым, оставленным на корме струга. Вместе с княжной затонуло и «Степанове счастье» [22].

Но голос в защиту невиноватой жертвы разинского произвола заглушала песня «Из-за острова на стрежень...» на слова Д.Садовникова. Версией этой песни о причинах утопления персиянки воспользовался и Максим Горький в киносценарии «Степан Разин» (1923). Он, как свидетельствует его письмо к С.Горону в мае 1923 года, «везде, где это можно было сделать, не нарушая истины, смягчил характер Разина» [цит.: 6, с.538]. В сценарии есть эпизоды, как разинцы захватили в плен сына и дочь Менеды-хана [4, с.206-207], как находящиеся на носу судна казаки издеваются над увлечением ата-

мана персиянкой [4, с.207-208], как он отреагировал на эти насмешки:

«Разин около княжны, сидит, схватив голову руками, она смотрит в лицо ему, положив локти на колени.

– Куда ты меня зовёшь, девушка? К тихой жизни? Это – не для меня. Я затеял большое дело, я хочу освободить людей от Москвы, от царя, а ты... <...>

Женщина, победно улыбаясь, обнимает его, Разин вскакивает на ноги, безумно оглядывается и, схватив княжну на руки, жадно целует её.

«Н е т ! П р о щ а й !»

Разин бросает княжну за борт и, с ужасом на лице, смотрит на реку, провожая взглядом уплывающее тело.

Между тканями шатра изумлённые, испуганные лица казаков, постепенно они окружают атамана, глядя на него с восторгом, машут шапками, кричат. Пьяный Фролка бросает в реку подушки, пляшет” [4, с.208-209].

В сценарии есть также эпизод о том, как Разин отреагировал, когда он проплывал то место, где утонула княжна:

“Утро. По реке быстро едет лодка, в ней – Разин, гребет Фрол. Разин задумчиво сидит на руле. Он мысленно видит персидскую княжну в шатре, в тот момент, когда она молча смотрела в лицо его. Снял шапку, наклонил голову” [4, с.216].

Но это непродолжительное проявление человечности. Когда пришел он к отшельнику в пещеру и рассказал ему о своих грехах, произносит слова оправдания, а не покаяния: “Может, я многих людей зря погубил, ну все-таки: мой грех – не царский грех, не против всех!.. Коли есть бог – скажи ему: на земле и праведное дело без греха не сделать” [4, с.216].

Вершителем народного гнева и мести, выразителем народной воли в момент необычайного обострения социальных противоречий эпохи предстает атаман волжской вольницы и в романе А.Чапыгина «Разин Степан» (1926). В предисловии к французскому изданию этого произведения А.Чапыгин писал: “Изучая историю восстания, я видел, как был искажен Степан Разин историком Костомаровым, И.Струиесом (Я.Стрейсом. – И.С.), Бутлером... Я разрушил легенду относительно персидской княжны, так как по историческим данным она была далека от князя Шабня, сына персидского царя на побережье Каспийского моря” [цит.: 2, с.129]. Писатель, учитывая, что в городе Ашфере бытовало предание о похищенной отсюда девушке, которую утопил Разин [см.: 14, с.272], откорректировал версию Стрейса и создал романтическую историю о том, как Петра Мокеев во время разбойного нападения на Дербент похитил дочь визиря и подарил ее в наложницы атаману. Но Зейнеб Разина не любила, ей больше нравился Василий Ус, который готов был бросить вольницу и жениться на пленнице. На его просьбу: “Как брату, батько, думал я, ты дашь девку: она и я смыслим друг друга... Мне с ней путь один! Тебя она – прости

– не любит», – атаман ответил: «Княжну не жаль! Любви к ней нет... Удалого же человека потеряешь горько... Когда я шатнусь, атаманишь можешь, не уронишь дела...» [23, с. 430].

Трагическую развязку ускорило сообщение, что Петра Мокеева, подаривший Разину пленницу, по повелению персидского царя растерзан гепардами. После разговора с Василием Усом атаман вошел в шатер, разбудил княжну, спросил, любит ли его («Ярата-син, Зейнеб?»), и, услышав в ответ: «Ни любит Зейнеб! Ни...», – импульсивно решил проблему, как удержать при себе Василия Уса и отомстить за гибель Петры Мокеева. Выпив «добрую чарапуху вина» и приказав пирующим на струге казакам бить в тулумбасы и плясать, Степан Разин, как об этом писал Стрейс и поется в песне «Из-за острова на стрежень...», бросил пленницу в Волгу. О гибели княжны А. Чапыгин рассказал правдоподобно и лаконично:

«Атаман поднялся во весь рост, незаметно в его руках ребенком вскинулась княжна.

– Ярата-син, Зейнеб?

– Ни...

В воздухе, в брызгах мелькнули золотые одежды, голубым парусом надулся шелк, и светлое распласталось в бесконечных оскаленных глотках волн, синих с белыми зубами гребней. На скамью паузка покотился зеленый башмак с золоченым каблукком.

– И – алла!

Страшный голос грянул, достигая ближнего берега:

– Прима! Волга! Сглони, родная моя, последню память Петры Мокеева!» [23, с. 440].

А. Чапыгин отбросил традиционный мотив о жертве Волге как вымышленный, а жестокий поступок Разина оправдывает высокой целью – перед походом на Москву сплотить вольницу, убрав с пути пленницу как «яблоко раздора». Но облагораживая атамана, автор сочувствует и жертве жестокой необходимости, акцентируя внимание читателя, как и в стихотворении Марины Цветаевой, на зеленом башмачке, оставленном на корме струга укором убийце.

Известный писатель русского зарубежья И. Ф. Наживин (1874–1940) в романе «Казачи» («Степан Разин»), опубликованном в Париже в 1928 году, при создании образа самого яркого представителя бунташного XVII века как провозвестника эпохи братоубийственной гражданской войны в России 1917–1919 годов, ориентировался на сведения Я. Стрейса, Л. Фабрициуса, Э. Кемпфера и других иностранных авторов, видевших в Разине жестокого атамана разбойников [См.: 9], поэтому и в эпизодах с княжней не ищет поводов оправдать ее убийцу.

«Не было того преступления законов Божеских и человеческих, которое осталось бы не совершённым казаками, – пишет И. Наживин о персидском походе казаков. – Их струги были переполнены золотом, парчой, камнями самоцветными, оружием драгоценным, тканями самыми дорогими и ясырем, то есть пленниками для продажи в рабство: вчерашние рабы только для себя хотели воли. У самого Степана жила в шатре, противно всем обычаям казац-

ким, пленная красавица персиянка, Гомартадж, – что значит венец лунный – дочь славного воина и вельможи персидского Менеды-хана...» [18].

Был и ропот среди казаков: «ежели никому бабы держать нельзя, так, значит, нельзя и атаману». Появился и соперник у атамана – Васька-сокольниковый. Возникли у атамана и другие проблемы:

«Казачи шли на Дон, домой, а там жена, дети. Куда денет он там персиянку? В глазах самостоятельных казаков, ему, атаману, не подобало очень уж скандалиться по пустякам: пошёл за большим делом, так девок за собою таскать нечего... И не мог он уже теперь отдать её другому: сердце не позволяло...» [18].

Разрешение проблемы Разин принимает после попойки, импульсивно, бесчеловечно. Он бросил княжну за борт струга под пьяное исполнение разинцами песни «Вниз по матушке по Волге», которая якобы символизирует свободолюбивые устремления вольницы:

«Дикая, чёрная сила неумной волной поднялась в широкой груди пьяного Степана и ударила в голову. Да, надо развязывать себя, надо найти сразу выходы, всё привести в ясность и всех удивить.

– Эх, Волга... – точно рыданием вырвалось из его взбаламученной груди. – Много дала ты мне и злата, и серебра, и славой покрыла меня, а я ничем ещё не отблагодарил тебя!..

Не зная, что он ещё сделает, он огляделся красными, воспалёнными глазами. И вдруг схватил он железной рукой удивлённую и перепуганную Гомартадж за горло, а другой за ноги и – швырнул её в пылающую огнями заката Волгу...

Гомартадж, жалобно крича непонятные слова и уже захлебываясь, боролась со своим тяжёлым платьем, которое тянуло её вниз.

– Ну, что опешили? – пьяно крикнул атаман и сам уверенно затянул:

Взбушевалася погода...

И, потрясённые, пьяные, полусумасшедшие, подхватили казаки:

...да погода,

Погодушка не малая!..» [18].

Такой подход в оценке деяний Разина советскими литературоведами отвергался как необъективный. В. М. Соловьев в книге «Современники и потомки о восстании С. Т. Разина» (М., 1991) изображает Разина жестоким разбойником-грешником в романах «Великий раскол» (1881) и «За чьи грехи» (1891) Д. Мордовцева, «Против течения» (1881) Н. Казанцева считает противоречащим народным взглядам на легендарного бунтаря, а появление в печати романа А. Чапыгина он назвал «подлинным триумфом разинской темы» [см. 21, с. 133], при этом не сказал ни слова о романе Ивана Наживина. Такая позиция станет понятной, если иметь в виду, что сталинская цензура запретила певцу А. Н. Вертинскому исполнять симфоническую балладу на чувственные стихи Марины Цветаевой о Разине и княжне [см.: 21, с. 126-127], а Степан Злобин, автор романа «Степан Разин» (1951), своего предшественника в разработке этой темы А. Чапыгина

раскритиковал с позиций марксизма-ленинизма за “искажения исторической правды” [см.: 8, с. 248]. Хотя и злобинский образ Разина, по ироничному замечанию артиста Михаила Ульянова, напоминает “воспитанника Высшей партийной школы” [цит.: 21, с. 134].

Степан Злобин отвергает версию о любви Разина к 14-летней полонянке и не изображает ее, как Чапыгин, наложницей атамана; он держит ее при себе с одной надеждой: «товарищей выручить за нее» [7, с. 436]. Но Менеды-хан всех захваченных в плен казаков зверски убил. Узнав об этом, разинцы требуют от атамана отмщения. И он отомстил Менеды-хану по-язычески – око за око:

«Разин скрипнул зубами, налитые кровью глаза его помутнели. Он нагнулся, схватил персиянку и поднял над головой: «Примай, Волга-мать...» Пронзительный визг Зейнаб оборвался в волжской волне. Вода всплеснула вокруг голубой парчи и сомкнулась над ней...» [7, с. 456].

Идея мести не оставляет места для чувств гуманизма. Вот почему в контексте такой трактовки утопления персиянки обращает на себя внимание стихотворение Вадима Ковды «Памяти княжны». Следуя народной традиции, что от благородного разбойника, если он прольет невинную кровь, отвернется удача, поэт говорит о гибели полонянки как о нравственной первопричине неудач Разина:

Ты пропал в то мгновение, Стенька,
Когда кончить решил канитель...
Для чего ты княжну погубил? [12, с. 190].

Василий Шукшин, собирая материалы для киносценария, а затем и для романа о Разине, увидел слабые стороны воссоздания его предшественниками образа предводителя казачьей и крестьянской вольницы:

«Написано о Разине много. Однако все, что мне удалось читать о нем в художественной литературе, по-моему, слабо. Слишком уж легко и привычно шагает он по страницам книг: удалец, душа вольницы, заступник и предводитель гольтыбы, гроза бояр, воевод и дворянства. Все так. Только все, наверно, не так просто... Натура он сложная, во многом противоречивая, необузданная, размашистая. Другого быть не могло» [26, с. 104].

В. Шукшин вышел на собственную интерпретацию тех событий, участником которых был Степан Разин, своеобразно подошел и к преданию о персиянке – не столько для того, чтобы объяснить причину поступка Разина, а скорее для того, чтобы глубже проникнуть в его психологию, показать в нем человека [см.: 20]. В романе «Я пришел дать вам волю» (1971) Разин рядом с полонянкой, дочерью персидского Мамед-хана, становится добрее, озорует, называет ее дочерью, видит в ней не только физическую, но и душевную ее прелесть. Казаки же испытывают неприязнь к чужестранке, приворожившей их атамана, не осуждают Фрола Минаева, попытавшегося изнасиловать княжну, унизив этим и достоинство предводителя вольницы. Перебранка по этому поводу чуть не привела к кровопролитию... Осознав, к каким последствиям может привести со-

ра с есаулами, Разин подавляет вспышку гнева:

“Глянул на есаулов, остался недоволен: — Ну, пошли глаза пялить! Ведро, говорю, стоит! Стало быть, хорошо! И нечего глаза пялить...”

Есаулы молчали. Таким они своего атамана еще не видели: на глазах двоился — то ужас внушал, то жалость.

Степан поднялся, пошел в нос струга. На ходу легко взял княжну, поднял и кинул в воду. Она даже не успела вскрикнуть. Степан прошел дальше, в самый нос, позвал:

— Идите ко мне!

Он сел, опять привалился боком к борту... Коротко глянул на воду, куда без крика ушла молодая княжна... В глазах на миг вскинулась боль и тоска, он отвернулся.

Есаулы подошли; кто присел, кто остался стоять. На атамана боялись смотреть. Теперь уж — только боялись: кому-то да эта княжна отольется слезами” [30, с. 378].

Василий Шукшин психологически верно передал, какую боль испытал атаман вольницы, оказавшись в ситуации, что не может защитить полонянку. В таком состоянии, привыкший за всё происходящее спрашивать с себя самого и испытывая раскаяние и досаду на себя, он швырнул в воду оказавшуюся перед ним княжну:

«Было ли это обдуманно заранее у Степана — вот так, на глазах у всех, кинуть княжну в воду? — спрашивал Василий Шукшин и тут же отвечал: — Нет, не было, он ночью решил, что княжну отдаст в Астрахани. Но после стычки с есаулами, где он вовсе не пугал, а мог по-настоящему хватить когони-будь, окажись перед ним не такие же ловкие, как он сам, после этой стычки разум его замутился, это был миг, он проходил мимо княжны, его точно обожгло всего — он наклонился, взял ее и бросил. Теперь он возьмется жалеть ее, тосковать, злиться станет...» [30, с. 378].

В изображении личности Разина автор романа «Я пришел дать вам волю» балансирует между двумя крайностями: не приемлет такого атамана казачьей и крестьянской вольницы, каким его проклинала церковь (“Вор и изменник, и крестоотступник, и душегубец, отцы на сыны, и сыны на отцы, братья на братья возмутивший, души купно с телесы бесчисленного множества христианского народа погубивший”...) и каким он предстает из приговора, зачитанного на эшафоте (“Вор и богоотступник и изменник”, который “великому государю изменил”, «велел венчаться около вербы», “царицынских жителей, которые к воровству не пристали, побил и посадил в воду”, “приезжих торговых людей побил, а иных в воду пометал мучительно”...), но не приемлет и марксистско-ленинского подхода к изображению Разина как безбожника и беспощадного мстителя классовым врагам. В эпизоде с княжной писателю удалось избежать как традиционного мелодраматизма (как у Я. Стрейса, Н. Костомарова, Д. Садовникова, М. Цветаевой, И. Наживина), так и агитационной стилистики певцов классовой борьбы («ради общего дела» — как у Максима Горького,

В.Каменского, С.Злобина). Исходя из тезиса: «Разин — герой, чья личная судьба не принадлежит ни ему, ни историкам, ни художникам: она — достояние народа» [26, с.175], – В. Шукшин изобразил предводителя казачьей и крестьянской вольницы реалистически, в духе народных песен и сказаний.

Литература

1. Базанов В. Неизвестные стихотворения Сергея Синегуба / Вступ. ст. В. Базанова; публ. С. В. Синегуба и О. Алексеевой // Русская литература. – 1963. – № 4. – С. 160-174.
2. Вальбе Б.С. Алексей Павлович Чапыгин. – Лг: Сов. писатель, 1959.
3. Гиляровский В. Стенька Разин // Гиляровский В. Сочинения: в 4 т. – М.: Б-ка «Огонек»; изд-во «Правда», 1967. – Т.4. – С.412-417.
4. Горький М. Степан Разин: народный бунт в Московском государстве 1666-1668 годов // Горький М. Полн. собр.соч.: художественные произведения: в 25 т. / М.Горький. – М.: Наука, 1973. – Т.19. – С.184-220.
5. Евтушенко Е. Собр. соч.: в 3 т. – М.: Худож. лит-ра., 1983. – Т.1.: Стихотворения и поэмы. – 559 с.
6. Жак Л.П. Примечания: «Степан Разин» / Л.П.Жак // Горький М. Полн. собр.соч.: художественные произведения: в 25 т. / М.Горький. – М.: Наука, 1973. – Т.19. – С.536-541.
7. Злобин С. Степан Разин: исторический роман в 2 кн. – М.: Худож. лит-ра, 1978. – Кн. 1. – 544 с.
8. Злобин С. Роман и история // Дружба народов. – 1966. – № 7.
9. Иностранные известия о восстании Степана Разина: материалы и исследования / Под ред. А.Г.Манькова. – Лг: Наука, 1975. – 191 с.
10. Каменский В. Степан Разин // Каменский В. Поэмы / Василий Каменский. – М.: ГИХЛ, 1961. – С.59-100.
11. Катанян В. Маяковский: хроника жизни и деятельности / В.Катанян. – М.: Сов. писатель, 1985. – 647 с.
12. Ковда В. Невольник жизни / Вадим Ковда. – М.: Сов. писатель, 1989.
13. Коненков С.Т. Мой век: воспоминания / С.Т.Коненков. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1988. – 383 с.
14. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. документов / Составитель Е.А. Швецова. – Т.1: 1666 – июнь 1670 гг. – М.: Изд. АН СССР, 1954. – 322 с.
15. Ленин В.И. Речь с Лобного места на открытии памятника С.Т.Разину // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т.38. – С.326.
16. Маркс К. Стенька Разин: [Конспект книги Костомарова. «Бунт Стеньки Разина»] // Молодая гвардия. – 1926. – № 1. – С. 104-125.
17. Навроцкий А.А. Стенька Разин: драматическая хроника // az.lib.ru/n/nawrockij_a_a/text_0010.shtml
18. Наживин И. Казаки (Степан Разин) / Иван Наживин // webreading.ru/.../ivan-naghivin-stepan-razin-kazaki.html
19. Огарев Н. П. Гой, ребята, люди русские // az.lib.ru/o/ogarew_n_p/text_0210.shtml
20. Октябрьская О.С. Документ, авторский вымысел и легенда в романе В.М.Шукшина «Я пришел дать вам волю» // Филологические науки. – 1995. – № 2. – С.13-21.
21. Соловьев В.М. Современники и потомки о восстании С.Т.Разина / В.М.Соловьев. – М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1991. – 168 с.
22. Цветаева М. Стенька Разин / Марина Цветаева // www.tsvetayeva.com/.../stenka_razin.php - Россия
23. Чапыгин А.П. Разин Степан / Алексей Чапыгин. – М.: Правда, 1985. – 656 с.
24. Шаламов В.Т. Поэт Василий Каменский // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954–1979. – М., 2005. – С. 211-223.
25. Шаляпин Ф.И. Страницы из моей жизни: повести / Сост., вступ. статья, коммент. Е.Дмитриевской, В.Дмитриевского. – М.: Книжная палата, 1990. – 464 с.
26. Шукшин В. Вопросы самому себе / Василий Шукшин; сост. Л.Н.Федосеева-Шукшина. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 256 с.
27. Шукшин В.М. Собр. соч: в 3 т. – М.: Молодая гвардия, 1984. – Т.3: Любавины; Я пришел дать вам волю. – 702 с.

Иван Сенько

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОТИВА «РАЗИН И КНЯЖНА» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается разработка мотива о Разине и княжне-пленнице в произведениях В.Каменского, В.Гиляровского, М.Горького, М.Цветаевой, А.Чапыгина, С.Злобина, В.Шукшина.

Ключевые слова: фольклор и литература, Разин и княжна.

Ivan Senko

ARTISTIC INTERPRETATION MOTIVES

“RAZIN AND THE PRINCESS” IN RUSSIAN POETRY AND IN PROSE OF XX CENTURY

Summary. This article discusses the development of the motif of Razin and the captive princess in the works of V.Kamenskij, V. Gilyarovskij, M. Gorkij, M. Tsvetaeva, A.Chapygin, S. Zlobin, V. Shukshin.

Key words: folklore and literature, Razin and Princess.

Сенько Иван Михайлович – кандидат філол. наук, завідувач кафедри російської літератури УжНУ.